

Николай БОГОМОЛОВ

О двух «рождественских стихотворениях» Бродского*

Автор должен покаяться перед просвещенным человечеством в том, что не любит стихов Иосифа Бродского. Они кажутся ему в большей своей части холодными, рассчитанными, однообразными и в конце концов мало похожими на ту живущую непосредственной жизнью языка поэзию, в которой сам Бродский — и совершенно справедливо — видел резон для существования русской поэзии вообще. При этом, естественно, смешно было бы оспаривать право других любить этого поэта. *Будь всякий при своем*. Скажем только, что подобное отношение не только не мешает, но может и помогать филологической работе, некоторые плоды которой хотелось бы предложить читателям.

Есть и еще одна причина появления этой статьи, оговорить которую необходимо с самого начала. Она возникла при чтении недавней книги О. А. Лекманова, где содержится масса чрезвычайно интересных суждений и наблюдений о русской прозе и (преимущественно) поэзии, с которыми чаще всего соглашаешься. Но время от времени возникает и ситуация обратная, когда хочется нечто добавить к рассуждениям автора. Ситуация диалога, возникающего произвольно, может, как кажется, привести к интересным выводам и сопоставлениям, а дальше — будем ждать, когда в нее войдет и еще кто-то**.

Первая заметка, привлекающая внимание, называется «“Рождественская звезда” Иосифа Бродского: текст и подтекст». Неболь-

---

* Печатается по: *Богомоллов Н. О двух «рождественских стихотворениях» И. Бродского // Богомоллов Н. От Пушкина до Кибирова. Статьи о русской поэзии. М.: НЛО, 2004.*

** Необходимо оговорить, что мы знакомы лишь с небольшой частью обширнейшей литературы о творчестве И. Бродского и заранее готовы повиниться, если эти рассуждения окажутся изобретением велосипеда.

шое 12-стишное стихотворение вызвало у исследователя массу ассоциаций, которые с трудом поддаются исчислению, но одно положение вызывает на спор. Лекманов пишет: «Гораздо небрежней замаскированной, а потому — менее интересной и глубинно значимой кажется нам многократно отмеченная исследователями реминисценция в четвертой строке “Рождественской звезды” из пастернаковской “Зимней ночи”. Поэтому к разговору о подтекстах из Мандельштама в стихотворении Бродского мы еще вернемся, а к разговору о подтекстах из Пастернака — нет»*. При этом он ссылается на работу М. Йовановича «Пастернак и Бродский (К постановке вопроса)», где о сходстве двух «Рождественских звезд» говорится довольно подробно, а не только при констатации цитаты из «Зимней ночи».

Нам хотелось бы не просто присоединиться к М. Йовановичу**, но и пойти еще дальше, сказав, что, с нашей точки зрения, все стихотворение Бродского представляет собою своеобразный «оммаж» Пастернаку. Помимо названия, представляющего собой точное повторение пастернаковского, помимо амфибрахия (особо замеченного Лекмановым и объясненного с помощью специальной цитаты из беседы Бродского***), в стихотворении младшего поэта едва ли не назойливо то буквально повторяются ключевые слова Пастернака (перечисляем в порядке их появления у Бродского: «В холодную пору... скорее к жаре, чем к холоду...» — «И холодно было младенцу в вертепе», «гора» (в отрицательном сравнении) — «спускались с горы», «младенец родился в пещере» — «домашние звери стояли в пещере», «желтый пар из воловьих ноздрей» — «дыханье вола» и «ноздри вола», «волхвы» обоих стихотворений, «лежащего в яслях ребенка» — «над яслями», «в яслях из дуба», «из глубины Вселенной» — «среди целой вселенной»****), то да-

* Лекманов О. А. Книга об акмеизме и другие работы. Томск, 2000. С. 350. Далее цитаты из книг Лекманова даются по этой книге с указанием страниц в скобках. Ср. также: Сергеева-Клятис А. Ю., Лекманов О. А. «Рождественские стихи» Иосифа Бродского. Тверь, 2002.

** См.: Йованович М. Пастернак и Бродский: к постановке вопроса // Пастернаковские чтения. М., 1998. Вып. 2.

*** Отметим, впрочем, что размер Бродского далек от точного амфибрахия: это дольник, возникающий на несомненно амфибрахической основе и не слишком от нее удаляющейся, но тем не менее явный дольник, тогда как у Пастернака на всем протяжении стихотворения выдержан амфибрахий, сперва разностопный, а затем все более и более равномерный четырехстопник.

**** Стихотворение Бродского цитируем по названной выше книге О. А. Лекманова, тексты Пастернака по изд.: Пастернак Б. Собр. соч.: в 5 т. М., 1989–1992. Конечно, в большей своей части перечисленные слова

ются их синонимы («местности, привычной... к плоской поверхности более, чем к горе» — «на склоне холма», «мело, как только в пустыне может мести» — «дул ветер из степи», «все злей и свирепей дул ветер из степи», «подарки, втащенные сюда» — «дары», которые «везли на верблюдах»). Наконец, не может не обратиться на себя внимание, что Младенца окружают в конце стихотворений Мать, вол и три поименованных волхва у Бродского — Мать, три неназванных волхва, вол и осел у Пастернака.

Конечно, остается та принципиальная разница, о которой писал М. Йованович: у Бродского звезда говорит с Иисусом, тогда как у Пастернака Он спит, а звезда смотрит «на деву», то есть центр тяжести переносится с Богородицы на Христа. Но ведь это и есть воплощение закона «вариаций на тему»: близость, сопровождаемая существенными различиями*.

Впрочем, если бы дело состояло только в этом, вряд ли стоило бы сочинять специальную заметку. Вряд ли мы обратились бы к этой теме и для того, чтобы показать, как в «Рождественской звезде» Бродского отражаются другие «стихи из романа», прежде всего, конечно, имеющие прямое отношение к евангельским мотивам. Это уже упоминавшаяся «Зимняя ночь». Это и амфибрахическое «Чудо», как бы конкретизирующее пейзаж первых строк стихотворения Бродского: «...в местности, привыкшей скорее к жаре, чем к холоду, к плоской поверхности больше, чем к горе»: «Колючий кустарник на круче был выжжен... Был воздух горяч... и Мертвого моря покой недвижим»**. Здесь же, кстати, прямо названа и пустыня. Это и «Гефсиманский сад», начинающийся строкой: «Мерцаньем звезд далеких безразлично...», а потом, в момент моления о чаше, звезды и вовсе пропадают, а вынесенное в рифму «отца» (как и у Бродского рифмующееся с «конца») звучит как безнадёжный отклик той рождественской ночи.

Нам, однако, представляется, что Бродский пошел дальше, и совсем не только в том направлении, которое описано О. А. Лек-

---

являются общеупотребительной «рождественской лексикой», однако это вовсе не упраздняет сходства и даже тождества, поскольку выбор именно этих слов осознанно делается поэтами.

* Отметим здесь еще и намек в формальном строении: у Пастернака регулярны внутренние рифмы: «На эти следы, как на пламя огарка / Ворчали овчарки при свете звезды» и т. п. У Бродского отклик пропадает. О своеобразии «вариаций» Бродского см.: *Казанский Н. Н.* Подражание отрицанием: «Подражание Горацию» Иосифа Бродского и Ног. Сarm. I. 14 // *Ars philologiae*: проф. А. Б. Муратову. СПб., 1997.

** Укажем, кстати, пастернаковское «Он шел с небольшою толпой облаков» в соответствии со «...сквозь редкие облака...» Бродского.

мановым. Дело в том, что здесь есть, по крайней мере, еще две цитаты из классической русской поэзии, которые вряд ли стоит обходить вниманием. Первая из них — символический для «петербургской» поэзии, с которой Бродский был теснейшим образом связан, «желтый пар», специально вынесенный в конец строки и в enjambement. Стихотворение И. Анненского «Петербург» столь явно принадлежит к числу выделенных из всей русской поэзии для той ветви петербургского стихотворчества, к которой принадлежит Бродский, что просто невозможно себе представить, будто «желтый пар» появился у него случайно. Но объяснить его появление не столь просто, ибо внешне никакой общей ситуации, которая могла бы служить прямому сопоставлению стихотворений, найти невозможно.

И все же рискнем высказать предположение, относящееся к числу сугубо гипотетических, но в то же время и не невероятных.

Напомним первую строфу «Петербурга»:

Желтый пар петербургской зимы,
Желтый снег, облипающий плиты...
Я не знаю, где *вы* и где *мы*,
Только знаю, что крепко мы слиты*.

Последнее слово этой строфы заставляет вспомнить стихотворение того же Анненского «Аметисты», завершающееся:

И, лиловея и дробясь,
Чтоб уверяло там сиянье,
Что где-то есть не наша *связь*,
А лучезарное *слиянье*...**

Не *связь*, а *слиянье*, единосущие — вот то, что соединяет Отца и Сына. И этот ход поэтических ассоциаций вполне укладывается в схему, рисуемую О. А. Лекмановым: «Только отрешась от человеческих, “одомашненных” реалий окружающего мира, находящихся очень близко и потому отвлекающих внимание от крохотной, едва видной рождественской звезды, Младенец способен стать Тем, Кто призван этот окружающий мир спасти» (с. 351).

Но обратим внимание и еще на одну хрестоматийную цитату, несколько разбитую длинным синтаксическим периодом: «...сквозь редкие облака... звезда смотрела в пещеру»:

Редает облаков летучая гряда.
Звезда печальная, вечерняя звезда!

* Анненский И. Стихотворения и трагедии. Л., 1990. С. 186.

** Там же. С. 98. В обоих стихотворениях курсив Анненского.

Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и черных скал вершины*.

Зачем она здесь? Только ли как игра на превращении пушкинской поэзии в факт русского языка, когда мы, сами того не замечая, говорим затверженными схемами? ** Вряд ли.

Думается, что уподобление рождественской звезды совсем иной, пушкинской, заставляет нас все-таки внести коррективы в основной вывод исследователя. Согласно его точке зрения, рождественская звезда, уподобленная взгляду Отца, может быть должным образом воспринята, только когда Младенец превращается в точку, уравненную в размерах с этой звездой, и с этого начинается его путь к единственной цели — «мир спасти». Но уподобление этой звезды пушкинской, оживляющей душу и воспоминания поэта, заставляет подумать: а действительно ли все так однозначно у Бродского? И, как кажется, следует обратить внимание на то, что в какой-то момент поэт вообще «устраняет» Младенца. Тот превращается лишь в объект, на который отцовский взгляд направлен, а сам бездействует. Поэт не оговаривает, спит ли он, как в финале стихотворения Пастернака, или бодрствует, но факт остается фактом — в последнем четверостишии Бродского оказываются между собою связанными не просто две точки (Младенец и звезда), но точка, в которую превращается Младенец, и отцовский взгляд, предполагающий присутствие и Его самого.

Между прочим, следует сказать, что и сама выше процитированная мысль О. А. Лекманова о том, что реалии внешнего мира отвлекают внимание Младенца от сущностного, не находит прямого подтверждения в тексте. Поэт нигде и ничего не говорит о том, что взгляд или внимание Младенца переключаются. Изменяется взгляд самого автора, — если воспользоваться кинематографическими ассоциациями, крупный план мгновенно

---

* Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 10 т. М., 1963. Т. 2. С. 23. Надемся, понятно, что «равнины» тут воспринимаются как точный эквивалент парафраза у Бродского: «привычной... к плоской поверхности». Если бы мы не боялись неуместности сравнения, то вспомнили бы известную фразу Пушкина, повторившего вслед за д'Аламбером: «Зачем просто не сказать лошадь» (Там же. Т. 7. С. 14), а «черных скал вершины» выглядят как описание пейзажа из пастернаковского стихотворения (с которым, повторимся, теснейшим образом связано стихотворение Бродского): «смотрели с утеса», «спускались с горы» и, наконец: «Впустила Мария в отверстие скалы». На всякий случай отметим, что у Пастернака есть и «гряда», правда, совсем другая — «навьюженная снежная».

** Ср. в той же книге О. Лекманова статью «АС Пушкин».

сменяется предельно общим, и при этом субъект крупного плана превращается в один из объектов общего.

Это позволяет говорить, что внутреннее оправдание отсылки к Пушкину и Анненскому у Бродского состоит в приоткрывании при их посредстве истинной перспективы соотношения двух ипостасей божественной сущности: в эту ночь рождества не «звезда с звездой говорит» (точнее, конечно, точка с точкой), а Отец смотрит на Сына, — и что происходит в этот момент, нам остается только догадываться.

И в каком-то смысле Бродский и здесь почти воспроизводит ситуацию концовки пастернаковской «Рождественской звезды». Напомним ее последнее четверостишие:

Вдруг кто-то в потемках, немного налево,
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянулся: с порога на деву,
Как гостья, смотрела звезда Рождества.

Так что выше, когда мы перечисляли находящихся в пещере, мы (отчасти намеренно) пропустили одного, неназванного, «кого-то». С одной стороны, Пастернак подводит нас к мысли о том, что это может быть один из «нескольких ангелов», незримо шедших с толпой на поклонение, но более вероятным кажется предположение, что такое отождествление намеренно обманчиво. Само название ангелов отличает их от поименованного «кто-то» (и не только в последнем четверостишии, но и в 12–13-й строфах), — а если это не ангел, то единственное возможное предположение направляется само собою.

Впрочем, мы не имеем безоговорочных оснований настаивать на непогрешимости своего рассуждения. Вполне возможно, что более прав О. А. Лекманов, — но тогда нуждаются в каком-то объяснении отчетливые цитаты, выявляемые в тексте.

Размышления, касающиеся второго стихотворения, относятся к числу гораздо более локальных и предлагают, собственно говоря, единственное, да и то достаточно гипотетическое, решение. Речь идет о «Рождественском романсе» Бродского, которому также посвящена специальная заметка О. А. Лекманова.

Датируя это стихотворение «28 декабря 1961», автор заметки оговаривает: «В разных изданиях Бродского это стихотворение датируется как 1961-м, так и 1962-м гг. Консультации с В. А. Куллэ убедили нас в правильности первой датировки» (с. 663). В свою очередь мы рискуем высказать предположение, что стихотворение написано годом позже, то есть в конце 1962 года (снова оговорившись, что какие-то существенные работы, накопившиеся в литературе о жизни и творчестве Бродского, могли быть нами упущены).

Внутренним основанием для возникновения такой гипотезы было давнишнее (по крайней мере, с 1967 г.) чтение и систематическое перечитывание «Рождественского романса», при котором оттенки смысла начинают утверждаться в сознании и постепенно переходить в уверенность, — не исключено, что ложную.

Обратим внимание, что при общем московском колорите стихотворения двумя непогрешимо московскими топонимами в нем являются взаимосвязанные слова «Ордынка» и «замоскворецкая» (мгла). Как вполне справедливо заметил О. А. Лекманов, Александровский сад из четвертой строки, особенно в соседстве с корабликом, вызывает скорее ассоциации питерско-ленинградские. Дважды повторенное слово «столица» также оказывается двусмысленным, поскольку для ленинградца память о столичности своего города является совершенно естественной.

Между тем название «Ордынка» не является нейтральным в том контексте, который тут подразумевается. Может быть, лучше всего это чувствуется в названии книги, появившейся много лет спустя, — «Легендарная Ордынка». Для ее автора (-ов) легендарность заключена в сосредоточении разнородных культурных феноменов на ограниченном географическом пространстве; однако для сознания других людей, связанных с некоторыми явлениями русской культуры 1950–1960-х годов, привлекающее внимание слово напрямую и достаточно однозначно ассоциируется с именем А. А. Ахматовой, часто гостившей и принимавшей многочисленных московских посетителей именно на Ордынке, в квартире семейства Ардовых.

Оставляя в стороне многочисленные мемуарные свидетельства об этом, приведем пример стихотворный — шестистишие Давида Самойлова:

А. А.
Я вышел ночью на Ордынку.
Играла скрипка под сурдинку.
Откуда скрипка в этот час —
Далеко за полночь, далеко
От запада и от востока —
Откуда музыка у нас?*

Различные мемуарные свидетельства указывают именно на лето 1962 года как на время знакомства Бродского с Ахматовой. Сам он вспоминал: «Это было, если я не ошибаюсь, в 1962 году

---

* Самойлов Д. Дни. М., 1970. С. 79. Намеренно цитируем по книге, выпущенной на грани 1960-х гг. Об Ахматовой на Ордынке см. также в воспоминаниях: Самойлов Д. Перебирая наши даты. М., 2000. С. 320–328.

<...>. Евгений Рейн привез меня к ней на дачу»*. М. В. Ардов рассказывает: «Летом 1962 года моя мать побывала в Комарове у Ахматовой и, вернувшись оттуда, рассказывала о двух молодых поэтах, которых Ахматова приблизила к себе. Это были Иосиф Бродский и Анатолий Найман. <...> Довольно скоро после этого оба — Бродский и Найман — появились у нас на Ордынке»**.

Конечно, память обоих авторов не относится к числу самых непогрешимых, но показательно, что в какой-то степени свидетельства их подтверждаются таким надежным в хронологическом отношении документом, как записки Л. К. Чуковской. Первое упоминание Бродского в них, вполне отчужденное и не связанное, видимо, с личным знакомством, относится к январю 1962 года***, а записи более конкретные — уже к сентябрю****, при этом под 27 сентября читаем: «Иосиф Бродский <...> живет сейчас в Москве». Это означает, что даже если мы примем позу ограниченного педанта, полагающего невозможным создание стихотворения без реальной биографической подоплеки, все равно должны будем согласиться: весной или летом 1962 года Бродский познакомился с Ахматовой, написал ей адресованные стихи, а после этого побывал в Москве, где с нею также общался.

Таким образом, есть очень большая вероятность, что фигура Ахматовой становится еще одним звеном, связывающим две столицы, переплетающиеся в «Рождественском романсе». Таким образом, в ассоциативное поле стихотворения войдут и «Луна в зените», и «Лета-Нева» из ахматовской «Поэмы без героя», и другие возможные параллели, выявлять которые здесь не место.

В заключение отметим, что внимательное вслушивание в «Рождественский романс» позволяет, как кажется, услышать там слабые отголоски мандельштамовских стихотворений из «Камня», который Бродский, по его свидетельству, прочитал в 1960 или 1961 году***** и из которого многое запомнил. Так, река, кораблик, желтый цвет (желтая роза и желтая лестница), тоска,

* Вспоминая Ахматову. Иосиф Бродский — Соломон Волков. Диалоги. М., 1992. С. 6. Оговорка связана с чуть более ранним признанием Бродского: «Вы знаете, я уже не помню, когда и что со мной происходило. Сбилса со счета. Я не знаю точно, произошло нечто, скажем, в 1979 году или в 1969-м?» (Там же).

** Ардов М., Ардов Б., Баталов А. Легендарная Ордынка: сб. воспоминаний. СПб., 1996. С. 158–159.

*** Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой. 1952–1962. М., 1997. Т. 2. С. 478.

**** Там же. С. 519–520.

***** Вспоминая Ахматову. С. 7–8.

столичный ореол, иностранец, такси находят себе соответствие в «над Невой», «зимуют пароходы», «желтизне правительственных зданий», «Онегина старинной тоске», «правительственных зданий» и «посольствах полумира»*, «моторов веренице» и «бензине» особенно запомнившихся тогда Бродскому «Петербургских строф». Выделенные в отдельную строчку «особняки» непроизвольно вызывают в памяти «особняки — а не дома» из «Царского Села», «стоит у лавки керосинной / печальный дворник круглолицый» кажется рефлексом: «В спокойных пригородах снег / Сгребают дворники лопатами... розы алые / Горят в трактирах и домах»** и т. д.***.

Конечно, это еще не подлинная интертекстуальность, рассчитанная если не на узнавание, то на осознание того, что узнавание возможно, а скорее то, что у Мандельштама определено строкой: «Шум стихотворства и колокол братства». Но думается, что такое притяжение отголосков у раннего Бродского вполне объяснимо не только постепенным созданием собственного культурного поля, но и той непосредственностью, с которой это поле создается, далекой от сухой и послушной беглости перстов, которая появится в стихотворениях более позднего времени. Впрочем, на этом следует остановиться.

---

* Мандельштам О. Соч.: в 2 т. М., 1990. Т. 1. С. 84–85. Отметим также, что прямо названные «иностранцы» есть в «Лютеранине» и в «На площадь выбежав, свободен...» Мандельштама, а общий «иностранный» колорит свойствен очень многим стихотворениям «Камня».

** Ср. с последними процитированными полутора строчками: «Ночной фонарик нелюдимый, / на розу желтую похожий» у Бродского.

*** Отметим только, что само название «Рождественский романс» находит параллель в «рождественских елках» уже второго стихотворения «Камня» и «немолчном напеве» самого первого (ср. «хор», «певец печальный» у Бродского), а также петербургские ассоциации «кораблика... из Александровского сада» с «Адмиралтейством» Мандельштама.